

К Р И Т И К А.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕРЦЕНА.

С Т А Т Ъ Я П Е Р В А Я.

Я—зритель; только это и не роль и не натура моя, это мое положеніе.

«Съ того берега». (Стр. 95).

Ihm dab ein Gott zu sagen, was er leidet.
Göthe.

КТО ВИНОВАТЬ? Романъ въ двухъ частяхъ. Петербургъ 1866.

I.

Въ Парижѣ 9 (21) января умеръ Александръ Герценъ.

Въ нашихъ журналахъ и газетахъ идутъ толки объ этомъ крупномъ человѣкѣ, и большею частію всѣ говорятъ о его такъ-называемой *политической* дѣятельности. Его преступныя увлеченія, его измѣна дѣлу русскаго народа, пагубное вліяніе, которое онъ произвелъ на нашу молодежь—вотъ главный вопросъ этихъ толковъ. Въ политической роли, которую игралъ Герценъ, журналы видятъ его главную роль, его главную дѣятельность, и разсуждаютъ о томъ, можно ли теперь простить ему эту дѣятельность и говорить о немъ спокойно, какъ о явленіи, отошедшемъ въ исторію. Одни указываютъ на то, что онъ виновенъ менѣе другихъ, что въ послѣднее время онъ далеко разошелся съ нашими заграничными красными, которые даже собирались его убить. Другіе начали уже полемичку о томъ, кто первый разрушилъ политическое вліяніе Герцена; «Современныя Извѣстія» утверждаютъ, что г. Катковъ, «Вѣсть», что г. Чичеринъ.

Предметъ любопытный, и когда-нибудь мы вернемся къ нему. Но

признаемся—теперь онъ насъ занимаетъ весьма мало. Передъ свѣжею могилою Герцена мы невольно вспоминаемъ ту грустную думу, которая постоянно томила этого человѣка, ту черную мысль, которая неотступно преслѣдовала его отъ колыбели до могилы, которая составляетъ главное содержаніе его литературной дѣятельности и которая только отчасти связана съ его политическою дѣятельностію. Герценъ былъ не простой агитаторъ, прежде всего онъ былъ литераторъ, то есть носитель извѣстныхъ мыслей и взглядовъ, которые высказать для него было главною и существенною потребностію. Роль агитатора только отчасти совпала съ его взглядами, большею частію она имъ рѣзко противорѣчила; это была неудачная и несчастная роль, принесшая не мало вреда намъ, не мало горя и раскаянія самому Герцену. Какъ писатель Герценъ несравненно счастливѣе; это одно изъ самыхъ крупныхъ именъ нашей литературы, и было бы великимъ ея украшеніемъ, если бы онъ могъ удовольствоваться этого рода дѣятельностію.

Повторяемъ — намъ нѣтъ охоты думать объ агитаторской роли Герцена. Давно упало его вліяніе; давно изгладились даже всѣ слѣды его. Въ послѣдніе годы, начиная такъ съ 1865, листовъ *Колокола* былъ величайшею рѣдкостію въ самомъ Петербургѣ, потому что никто имъ не интересовался, никто не находилъ не только важнымъ, а даже любопытнымъ взглянуть, что думаетъ и пишетъ Герценъ. Трудно найти примѣръ болѣе быстро и глубокаго паденія. Если бы въ 1866, 1867 годахъ *Колоколъ* свободно продавался въ Россіи, то его навѣрное покупали бы очень немногіе, и то какъ курьезъ, какъ явленіе, не имѣющее никакого смысла, никакого отношенія къ дѣйствительности. Герценъ за-живо перенесъ свою политическую смерть, свое исключеніе изъ круга живыхъ людей, изъ области живыхъ, дѣйствительныхъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи вопросъ о немъ порѣшопъ — жестоко, немолимо, какъ всегда рѣшаетъ исторія относительно людей, впавшихъ въ противленіе ея цѣлямъ и духу, ея движущему. Теперь мы окружены другими вопросами, другими дѣлами, и политическая дѣятельность Герцена является намъ какъ далекое прошлое, какъ событіе давно минувшее, давно обсужденное, давно переставшее насъ занимать и тревожить.

И такъ поговоримъ лучше о самомъ Герценѣ, о томъ, что прочнѣе и живучѣе его политическихъ дѣйствій,—именно о его литературной дѣятельности и томъ душевномъ настроеніи, которое въ ней отразилось. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ произведеній, которыя пережили его эфемерную славу политическаго вождя, и смыслъ

которыхъ еще долго будетъ жить въ воображеніи читателей, когда изгладится всякая память о содержаніи его агитаторскихъ выходокъ. Когда человѣкъ умеръ, мысль невольно обращается къ тому, что въ немъ было всего существеннѣе, въ чемъ наиболѣе выразилась его личность; то, какъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, мы находимъ важнѣе того, что онъ успѣлъ или не успѣлъ сдѣлать; ибо внутренній міръ человѣка, по давнишнему убѣжденію человѣчества, гораздо болѣе принадлежитъ къ его сущности, чѣмъ его внѣшняя судьба.

Не дѣятельность была прямымъ назначеніемъ Герцена; онъ былъ рожденъ болѣе всего мыслителемъ, въ значительной степени художникомъ, и мы увидимъ, какъ мало согласовалась роль агитатора съ тѣмъ направленіемъ, которое лежало въ основѣ его образа мыслей и творчества.

II.

По всему своему душевному строю, по своимъ чувствамъ и взгляду на вещи, Герценъ былъ отъ начала до конца своего поприща *пессимистъ*, т. е. темная сторона міра открывалась ему яснѣе, чѣмъ свѣтлая; болѣзненные и печальные явленія жизни онъ воспринималъ съ несравненно большей живостію и чуткостію, чѣмъ всякія другія. Вотъ гдѣ ключъ къ разгадкѣ литературной дѣятельности Герцена, вотъ гдѣ нужно искать ея главныхъ достоинствъ и недостатковъ. Мысль Герцена постоянно работала въ этомъ направленіи, и, при его значительномъ философскомъ и художническомъ талантѣ, при томъ *мужестве* передъ истиной, которымъ онъ хвалился и которое въ немъ дѣйствительно было—эта умственная работа привела его къ нѣкоторымъ очень важнымъ открытіямъ, къ такимъ взглядамъ, которые не останутся безъ слѣда въ русской литературѣ. Все, что есть глубокомысленнаго у Герцена, глубокомысленно только въ этомъ отношеніи, то есть какъ глубокое развѣтленіе пессимизма,—безъотраднато, мрачнаго воззрѣнія на міръ. Въ этомъ заключается весь интересъ его философскихъ разсужденій и главный нервъ его художественныхъ произведеній.

Для ясности перейдемъ поскорѣе отъ общихъ положеній къ фактамъ, то есть разберемъ главнѣйшія произведенія Герцена. Тогда наша мысль уяснится сама собою.

Первымъ замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ Герцена были два отрывка изъ нѣ котораго рода автобіографіи, явившіеся подъ заглавіемъ: *Записки одного молодого человѣка* (Отеч. Зап. 1840. Декабрь) и *Еще изъ записокъ одного молодого человѣка* (Отеч.

Зап. 1841. Августъ). Второй отрывокъ уже представляетъ нѣчто весьма характеристическое для Герцена, уже проявляетъ его силу и оригинальность. Тутъ выведенъ на сцену нѣкто *Трензинскій*, лицо, къ которому авторъ относится съ величайшимъ сочувствіемъ и въ которомъ изображенъ одинъ изъ дѣйствительныхъ людей, дядя автора, имѣвшій очевидно величайшее вліяніе на его образъ мыслей. Этотъ Трензинскій выставленъ человѣкомъ воспитаннымъ на идеяхъ прошлаго столѣтія и потому находящимся въ противорѣчій съ идеями новыми, съ направлениемъ, имѣвшимъ силу тогда, въ 1840 году. Тогда—господствовало поклоненіе Гёте, то есть проповѣдывался величавый и спокойный пантеизмъ, нѣкотораго рода обоготвореніе земной жизни людей, вѣра въ ея разумность и красоту. Станкевичъ, Бѣлинскій были, какъ извѣстно, этой вѣры въ ту эпоху. Этой же вѣры былъ и Герценъ, еще не смѣвшій возстать открыто противъ духа времени, противъ такихъ авторитетовъ, какъ Гегель и Гёте. Но въ Герценѣ сильно говорило противорѣчіе этому господствующему духу, и онъ съ удивительною энергіею и ясностію воплотилъ свои новыя, свои собственные мысли въ фигурѣ Трензинскаго.

Во первыхъ, что такое самъ Трензинскій? Это *познавскій полякъ*, который впрочемъ вовсе не имѣетъ качествъ представителя польской народности. Напротивъ, Герценъ хотѣлъ вывести лицо такъ сказать *между - народное*, лишенное всякой опредѣленной почвы. Трензинскій уже старикъ, имѣющій болѣе пятидесяти лѣтъ, слѣдовательно человѣкъ уже прожившій главную часть своей жизни, и самъ онъ опредѣляетъ свою судьбу такъ:

„Для того, чтобы быть брошену такъ безцѣльно, такъ нелѣпо въ мірѣ, какъ я, надобенъ цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ. Я никогда не зналъ ни семейной жизни, ни родины, ни обязанностей, которыя врастаютъ въ сердце съ колибели. Но замѣйте, я нисколько не былъ виноватъ, я не навлекъ на себя этого отчужденія отъ всего человѣческаго: обстоятельства устроили такъ.“ (Стр. 179).

Такимъ образомъ въ Трензинскомъ выступаетъ передъ нами одно изъ тѣхъ лицъ, которыя такъ любилъ Герценъ—человѣкъ *несчастный безъ всякой вины*, жертва случая, неоправдываемая никакою системою оптимизма, осужденная на страданія, не имѣющія смысла. Въ заключеніе разсказа Герценъ самъ пытается произнести сужденіе о своемъ героѣ, и говорить такъ:

«Въ Трензинскомъ преобладаетъ скептицизмъ *d'une existence manquée*; это равно не скептицизмъ древнихъ, ни скептицизмъ Юма,

а скептицизмъ жизни, убитой обстоятельствами, безпрехлдно грустный взглядъ на вещи человка, котораго грудь покрыта ранами незаслуженными, человка, оскорбленнаго въ благороднйшихъ чувствахъ и между тмъ человка полнаго силы.» (стр. 187).

Такой человекъ не могъ конечно держаться свтлаго созерцанія пантеизма, видящаго всюду разумность и красоту. Поэтому пантеистъ—Герцень называетъ взгляды Трензинскаго „странными мнвнiями и парадоксами,“ но тмъ не менше говоритъ, что этому человеку „удалось нанести глухой ударъ нкоторымъ изъ его теплыхъ врованiй.“ (стр. 174).

Какъ примѣръ, Герцень приводитъ свои разговоры о предметѣ величайшей важности, объ олимпiйцѣ Гёте, котораго такъ величала и славила тогдашняя философiя. Трензинскiй рассказываетъ, что онъ два раза встрѣчался съ Гёте. Эти встрѣчи оставили въ немъ неблагопрiятное впечатлѣнiе отъ личности великаго поэта; рассказъ такъ мастерски выставляетъ нкоторыя черты Гёте и имѣетъ такое важное значенiе для характеристики взглядовъ Герцена, что мы приведемъ его вполнѣ.

„Первый разъ, рассказываетъ Трензинскiй, я видѣлъ Гёте мальчикомъ, лѣтъ шестнадцати. При началѣ революцiи, отецъ мой былъ въ Парижѣ, и я съ нимъ. Régime de terreur какъ-то проглядывалъ съвозъ сладкоглаговливую жиронду.... Иностранцамъ было опасно ѣхать и еще опаснѣе оставаться. Отецъ мой рѣшился на первое, и мы тайкомъ выбрались изъ Парижа.“

Послѣ разныхъ приключенiй и опасностей они добрались наконецъ до союзной нмецкой армiи, которая шла тогда на Францiю для подавленiя революцiи.

«Насъ повели къ генералу и послѣ разныхъ допросовъ и распросовъ дозволили ѣхать далѣе; но возможности никакой не было достать лошадей: всѣ были взяты подъ армiю, для которой тогда наступило самое критическое время. Армiя гнила отъ голода и грязи. На другой день пригласилъ насъ одинъ владѣтельный князь на вечеръ. Въ маленькой залѣ, принадлежавшей сельскому священнику, мы застали нсколько полковниковъ, какъ всѣ нмецкiе полковники — съ сѣдыми усами, съ видомъ честности не слишкомъ большой дальновидности. Они грустно курили свои сигары. Два-три адъютанта весело говорили по французски, коверкая германизмами каждое слово; казалось они еще не сомнѣвались, что имъ придется попровать въ Polais Royal и тамъ оставить свой здоровый цвѣтъ лица, завѣтный локонь, подаренный при разлугѣ,

и нѣмецкую способность краснѣть отъ двусмысленнаго слова. Вообще было скучно. Довольно поздно явился еще гость, во фракѣ, мужчина хорошаго роста, довольно плотный, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ; но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благо-склонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную *Steifheit*, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. „Нынче утромъ,“ сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, „я имѣлъ необыкновенную встрѣчу. Я ѣхалъ въ каретѣ герцога, какъ всегда; вдругъ подъѣзжаетъ верхомъ какой-то военный, закутанный шинелью отъ дождя. Увидѣвъ веймарскій гербъ и герцогскую ливрею, онъ подъѣхалъ къ каретѣ и—представьте взаимное наше удивленіе—когда я узналъ въ военномъ его величество короля, а его величество нашель вмѣсто герцога — меня. Этотъ случай останется у меня долго въ памяти.“

„Разговоръ обратился отъ разсказа чрезвычайной встрѣчи къ королю, и естественно перешли къ тѣмъ вопросамъ, которые тогда занимали всѣхъ, бывшихъ въ залѣ. т. е. къ войнѣ и политикѣ. Князь подвелъ моего отца къ дипломату (новому гостю) и сказалъ, что отъ него можно узнать самыя новыя новости. „Что дѣлаетъ генераль Лафайетъ и всѣ эти антропофаги?“ спросилъ дипломатъ.—Лафайетъ, отвѣчалъ мой отецъ, — неустрашимо защищаетъ короля и въ открытой борьбѣ съ якобинцами.—Дипломатъ покачалъ головою и выразительно замѣтилъ: „Это одна маска: Лафайетъ, я почти увѣренъ, за-одно съ якобинцами.“—Помилуйте! возразилъ мой отецъ,—да съ самаго начала у нихъ непримиримая вражда.—Дипломатъ иронически улыбнулся и, помолчавъ, сказалъ: <Я соби-рался ѣхать въ Парижъ года два тому назадъ; но я хотѣлъ видѣть Парижъ Лудовика Великаго и великаго Арузта, а не орду Гунновъ, нестовствующихъ на обломкахъ его славы. Можно ли было ожидать, чтобъ буйная шайка демагоговъ имѣла такой успѣхъ? О, еслибъ Неккеръ въ свое время принялъ пшия мѣры, еслибъ Лудовикъ XVI послушался не ангельскаго своего сердца, а преданныхъ ему людей, которыхъ предки столѣтія процвѣтали подъ лиліями, намъ не нужно бы было теперь подниматься въ крестовный походъ! Но нашъ Готфредъ скоро образумитъ ихъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, да и сами Французы ему помогутъ; Франція не заключена въ Парижѣ.>

«Князь былъ ужасно доволенъ его словами».

«Но кто не знаетъ откровенности германскихъ воиновъ, да и воиновъ вообще? Ихъ разрубленные лица, ихъ прострѣленные груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По-несчастію за княземъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ; въ наружности было видно, что онъ жизнь провелъ съ 10 лѣтъ на бивуакахъ и въ лагеряхъ, что онъ хорошо помнитъ стараго Фрица; черты его выражали гордое мужество и безусловную честность. Онъ внимательно слушалъ слова дипломата и наконецъ сказалъ:»

«Да не-уже-ли вы нешутя вѣрите до сихъ поръ, что Французы насъ примутъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ намъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома для того, чтобы затруднить насъ? Признаюсь, я не думаю, чтобы намъ скоро пришлось обращаться Парижъ на путь истинный, особенно ежели будемъ стоять на одномъ мѣстѣ.»

„Полковникъ не въ духѣ,“—возразилъ дипломатъ и взглянулъ на него такъ, что мнѣ показалось, что онъ придавилъ его ногой. «Но я полагаю, вы знаете лучше меня, что осенью, въ грязь, невозможно идти впередъ. Въ полководцѣ не благородная запальчивость, а благоразуміе дорого: вспомните Фабія—Кунктатора.»

„Полковникъ не струсилъ ни отъ взора, ни отъ словъ дипломата. „Разумѣется, теперь нельзя идти впередъ, да и назадъ трудно. Впрочемъ, вѣдь осень въ нынѣшнемъ году не первый разъ во Франціи, грязь можно было предвидѣть. Я молю Бога, чтобы дали генеральное сраженіе; лучше умереть передъ своимъ полкомъ съ оружіемъ въ рукѣ, отъ пули, нежели сидѣть въ этой грязи...“ И онъ жалъ рукою эфесъ сабли. Началось шептанье и издали слышалось: ja, ja, der Obrist hat Recht... Wäre der grosse Fritz, oh! der grosse Fritz. Дипломатъ улыбаясь обернулся къ князю и сказалъ: „Въ какой-бы формѣ ни выражалась эта жажда побѣды воиновъ тевтонскихъ, нельзя ее видѣть безъ умиленія. Конечно, наше настоящее положеніе не изъ самыхъ блестящихъ; но вспомнимъ, чѣмъ утѣшался Жуанвиль, когда былъ въ плѣну съ Святымъ-Лудовикомъ: Nous en parlerons devant les dames.“

„Покорно благодарю за совѣтъ!“ возразилъ неумолимый полковникъ. „Я своей женѣ, матери, сестрѣ (если бы онѣ у меня были) не сказалъ бы ни слова объ этой компаніи, изъ которой мы принесемъ грязь на ноги и раны на спии. Да и объ этомъ даже

нашимъ дамамъ прежде насъ разскажутъ эти чернильные якобицы, о которыхъ насъ увѣряли, что они исчезнутъ какъ дымъ при первомъ выстрѣлѣ.“

„Дипломатъ понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ, и онъ, какъ Ксенофонтъ, почетно отступилъ съ слѣдующими 10,000 словами: „Миръ политики мнѣ совершенно чуждъ; мнѣ скучно, когда я слушаю о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ. Я не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое прехолящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ. Есть другія области, въ которыхъ я себя понимаю царемъ: за чѣмъ же я пойду безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя Providѣніемъ на избранныхъ имъ нести тяжкое бремя управления? И что мнѣ за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ!“

„Слово *дюжинный резонеръ* попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, впрочемъ довольно спокойно, но съ огненными глазами сказалъ: „Вотъ я простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствую ни царемъ, ни геніемъ, а всегда остаюсь *человѣкомъ*, и помню, какъ еще будучи мальчикомъ затвердилъ пословицу: Homo sum et nihil humani a me alienum puto. Двѣ пули, пролетѣвшія черезъ мое тѣло, подтвердили мое право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя я плачу свою кровью.“

„Дипломатъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ словъ полковника; къ тому же тотъ сказалъ это, обращаясь ко своимъ сосѣдямъ. — „И здѣсь,“ продолжалъ дипломатъ, „среди военного стана, я также далеко отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ.“

— „А чѣмъ вы теперь занимаетесь?—спросилъ князь, едва скрывая радость, что разговоръ перемѣнился.“

„Теорію цвѣтовъ; я имѣлъ счастье третьяго дня читать отрывки свѣтлѣйшему дядюшкѣ вашей свѣтлости.“

„Стало, это не дипломатъ. „Кто это?“ спросилъ я эмигранта, который сидѣлъ возлѣ меня и, не смотря на бивачную жизнь, нашелъ средство претчательно нарядиться, хотя и въ короткое платье. „Ah, bah! c'est un célèbre poete allemand M-r Koethè, qui a écrit, qui a écrit... Ah, bah!... la Messiadè!“ Такъ это-то авторъ романа, сводившаго меня съ ума: *Wertlers Leiden!* подумалъ я, улыбаясь филологическимъ знаніямъ эмигранта. Во Франціи, кромѣ „Вертера,“ не было ни одного пь его сочиненій. — Вотъ моя первая встрѣча.“

„Прошло нѣсколько лѣтъ. Мрачный терроръ скрылся за блескомъ побѣдъ. Дюмурье, Гошъ и наконецъ Бонапарте поразили міръ удивленіемъ. То было время первой итальянской кампаніи, этой юношеской поэмы Наполеона. Я былъ въ Веймарѣ и пошолъ въ театръ. Давали какую-то политическую фарсу Гётева сочиненія. Публика не смѣялась, да и по правдѣ насмѣшка была натянута и плосковата. Гёте сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ. Я издали смотрѣлъ на него и ото всей души жалѣлъ его: онъ понялъ очень хорошо равнодушіе, кашель, разговоры въ партерѣ, и испыталъ участь журналиста понаваго не въ тонъ. Между прочимъ въ партерѣ былъ тотъ же полковникъ. Я подошелъ къ нему; онъ узналъ меня. Лицо его исхудало, какъ будто лѣтъ десять мы не видались, рука была на перевязкѣ. „Что же Гёте тогда толковалъ, что политика ниже его, а теперь пустился въ памфлеты? Я дюжинный резонеръ и не понимаю тѣхъ людей, которые хохочутъ тамъ, гдѣ народы обливаются кровью, и, открывши глаза, не видятъ, что совершается передъ ними. А можетъ быть, это право генія...“

„Я молча пожалъ его руку, и мы разстались. При выходѣ изъ театра, какіе-то три, вѣроятно пьяные бурна съ растрепанными волосами въ честь Арминія и Тацитова сказанія о Германцахъ, съ портретомъ Фихте на трубкахъ—принялись свистать, когда Гёте садился въ карету. Буршей повели въ полицію, я пошелъ домой, и съ тѣхъ поръ не видалъ Гёте.“ (Стр. 182—185).

Вотъ мастерской рассказъ, въ которомъ съ удивительною краткостію и силою выставлена извѣстная черта Гёте—его равнодушіе къ современнымъ практическимъ вопросамъ. Смысль рассказа весьма многозначителенъ, соотвѣтствуетъ многимъ задушевнымъ стремленіямъ Герцена. Во первыхъ, тутъ слышно отрицаніе авторитетовъ, та мысль, что только мечтатели и идеалисты „строятъ себѣ въ головѣ фантастическихъ великихъ людей, одностороннихъ и слѣдовательно невѣрныхъ оригиналамъ.“ (Такъ выражается въ заключеніе Трензинскій). Во вторыхъ, слышно горячее сочувствіе къ практическимъ интересамъ, къ *людямъ жизни* въ противоположность съ поэтами и мыслителями. Но главный центръ рассказа заключается въ противоположности между Гёте и Трензинскимъ, между поэтомъ, примирившимся съ жизнью, и человѣкомъ, который ничѣмъ съ жизнью не примиряется. Главная мысль заключается въ сочувствіи къ лицу, которое отвергло всякую идею примиренія. „Философы, говоритъ Трензинскій, примиряются съ несчастіями, слабо и грубо поражающими ежедневно индивидуальность, мыслью

о ничтожности индивидуума.“ (Стр. 186). Трензинскій не признаетъ этого выхода изъ противорѣчія; онъ упорно держится того взгляда, что человѣку не въ чемъ искать утѣшенія и успокоенія, если онъ страдаетъ нелѣпо, безцѣльно, безъ всякой вины, единственно въ силу случайностей и обстоятельствъ. Идея такого страданія есть главная идея Герцена. Въ заключеніе этого отрывка изъ *Записокъ молодого человека* Герценъ дѣлаетъ разныя оговорки, выражаетъ опасеніе, чтобы разсказъ его какъ-нибудь не сочли *мелкимъ камнемъ, брошеннымъ въ великаго поэта*, увѣряетъ, что самъ онъ *благодаритъ* передъ Гёте, и объясняетъ все дѣло слѣдующимъ образомъ:

„Трензинскій—человѣкъ по преимуществу практической, всего менѣе художнической. Онъ могъ смотрѣть на Гёте съ такой бѣдной точки; да и долженъ ли былъ вселить Гете уваженіе въ себѣ, подавить авторитетомъ—человѣка, который рядомъ бѣдствій дошелъ до неуваженія лучшихъ упований своей жизни?“ (Стр. 187).

И такъ есть случаи, въ которыхъ не властны и безсильны всякая поэзія, всякая философія; есть несчастія, передъ которыми не можетъ устоять никакая авторитетъ, разлетается всякій ореолъ, который *даютъ право* на самого олимпійца Гёте смотрѣть такъ, какъ смотритъ Трензинскій.

По тому времени это были мысли чрезвычайно дерзкія и вольнодумныя. такъ какъ поклоненіе Гёте господствовало у насъ съ великою силою и было подкрѣпляемо авторитетомъ гегелизма, видѣвшаго въ Гёте поэта наиболѣе глубокаго, всего ближе подходящаго къ духу этой философіи. Источникомъ же этихъ дерзкихъ мыслей было признаніе въ мѣрѣ горя, неисцѣлимаго никакой философіей.

III.

Наиболѣе извѣстное русскимъ читателямъ произведеніе Герцена есть его романъ *Кто виноватъ*, появившійся въ первый разъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1845 года, въ декабрьской книжкѣ, и потомъ дважды изданный отдѣльно, въ 1847 г. (Сиб., тип. Праца) и въ 1866 г. (Сиб., изд. Ковалевскаго). Мы остановимся на немъ долѣе и подробнѣе, какъ на вещи не только извѣстной болѣе другихъ, но и вполне законченной, вполне обработанной, и вмѣстѣ чрезвычайно поучительной съ той точки зрѣнія, которой мы держимся. По порядку времени намъ слѣдовало бы говорить сперва о философскихъ статьяхъ Герцена, но для ясности мы отложимъ эту рѣчь до другаго мѣста и сперва разберемъ романъ; мысль

Герцена здѣсь выражена въ образахъ, слѣдовательно въ самой общедоступной и живой формѣ.

Исторія, которая разсказывается въ этомъ романѣ, чрезвычайно проста по основнымъ своимъ чертамъ. Благородный и умный молодой человѣкъ встрѣчаетъ на своемъ жизненномъ пути молодую дѣвушку, точно также умную и чистую. Они влюбляются другъ въ друга, преодолеваютъ нѣкоторыя препятствія, мѣшавшія ихъ браку, и женятся. Наступаетъ семейное счастье, ясное, простое, которое тянется нѣлные годы; у молодыхъ супруговъ есть сынъ, слѣдовательно есть и то звѣно, которое необходимо для полноты супружества, безъ котораго супружество теряетъ свой главный смыслъ. Вдругъ на эту семью обрушивается несчастье. Случайно въ тотъ городъ, гдѣ она живетъ, пріѣзжаетъ Бельтовъ, молодой холостякъ, блистательный, умный, энергическій. Онъ знакомится съ счастливою семьею, начинаетъ часто бывать въ ней; и вотъ между нимъ и молодою женщиною съ неудержимою сплю и быстротою возникаетъ страсть.

Такова завязка романа.

Очевидно случай, взятый Герценомъ, относится къ такъ называемому *женскому вопросу*, къ вопросу о свободѣ сердечныхъ нашихъ чувствъ, о стѣсненіи, представляемомъ неразрывностію брака, о неразумности такого чувства, какъ ревность, и т. д. На эти и подобныя темы было у насъ написано не мало всякихъ разсужденій, и безчисленное множество повѣстей и романовъ. Существуетъ дѣлая литература, весьма любовитная, трактующая о различныхъ затрудненіяхъ и случаяхъ, встрѣчающихся въ дѣлахъ любви и брака. Общее рѣшеніе, къ которому приходитъ эта литература, состоитъ въ томъ, что все можно уладить, что всѣ бѣды, претерпѣваемыя людьми въ этомъ отношеніи происходятъ или отъ дурныхъ законовъ, или отъ грубыхъ и непросвѣщенныхъ чувствъ и нравовъ; измѣнивъ законы и внушивъ людямъ просвѣщенные и истинно-гуманные взгляды на дѣло, мы могли бы, по мнѣнію многихъ нашихъ писателей, водворить на землѣ совершенное благополучіе по крайней мѣрѣ въ любовныхъ и семейныхъ дѣлахъ. Если-бы пригласить для рѣшенія вопроса на примѣръ г. Авдѣева, самаго знаменитаго изъ нашихъ проповѣдниковъ о правахъ любви, то, мы вполне увѣрены, онъ ни мало не затруднился бы рѣшеніемъ. Жена должна свободно слѣдовать влеченію страсти, а мужъ не долженъ мѣшать ея счастью, и не имѣетъ права быть несчастнымъ только отъ того, что другіе счастливы— вотъ какъ слѣдуетъ рѣшить на основаніи уроковъ, за-

ключающихся въ пропзведеніяхъ г. Авдѣева и многихъ другихъ. Герценъ рѣшилъ иначе. Онъ вывелъ на сцену самыхъ добрыхъ, умныхъ, гуманныхъ людей, которые чужды всякихъ предрасудковъ и вполне готовы были бы пожертвовать собою для того, чтобы какъ нибудь выйдти самимъ и вывести другихъ изъ роковаго столкновенія; но выхода нѣтъ, и потому эти люди неизбежно должны страдать. Первый начинаетъ страдать мужъ, который тотчасъ догадался, что потерялъ нераздѣльную нѣжность жены, потерялъ то, чѣмъ прежде жилъ и дышалъ. Затѣмъ страдаетъ жена, замѣчающая мученія мужа и чувствующая, что она ни за что не можетъ повинуть его и ребенка, что она для нихъ должна отказаться отъ новой своей любви. Наконецъ Бельтовъ, видя, что его страсть приноситъ только горе другимъ, уѣзжаетъ, отрываясь отъ женщины, которую полюбилъ такъ, какъ уже не полюбитъ вѣроятно никакую другую. Спокойствіе и счастье всѣхъ дѣйствующихъ лицъ нарушено и едва-ли когда-нибудь къ нимъ возвратится.

Трагизмъ этого столкновенія взять Герценомъ во всей чистотѣ и силѣ. Если бы бракъ Круциферскихъ совершился не по любви, а подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, если бы мужъ былъ дурень, старъ, боленъ или опостылѣлъ бы своей женой съ нравственной стороны, тогда любовь жены къ другому мужчине имѣла бы нѣкоторое оправданіе. Если бы Бельтовъ или Круциферская были люди легкомысленные и порочные, которые только слишкомъ поздно одумались и спохватились, тогда бѣда, въ которую они себя втянули, была бы нѣкотораго рода наказаніемъ за легкомысліе. Но ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Супруги искренно, нѣжно любятъ другъ друга. Страсть Круциферской и Бельтова возникаетъ изъ самыхъ чистыхъ отношеній, изъ безпорочнаго душевнаго сочувствія. Всѣ наказаны и никто не виноватъ.

Таковъ дѣйствительно смыслъ этого романа. Попробуйте отвѣчать на вопросъ, которымъ онъ озаглавленъ: *Кто виноватъ?* и вы увидите, что нельзя найти никакого опредѣленнаго отвѣта, нельзя приписать вину ни кому-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ, ни той средѣ, тѣмъ правамъ и законамъ, среди которыхъ они живутъ. Счастье нарушено не тѣмъ, что герои романа связаны въ своихъ дѣйствіяхъ государственными или религіозными постановленіями, и не тѣмъ, что они подвергаются преслѣдованію и угнетенію со стороны грубаго и невѣжественнаго общества. Нѣтъ—бѣда заключается единственно во взаимныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ

лица романа и въ которыя они пришли безъ всякой своей вины, безъ всякаго дурнаго поползновенія. Вотъ истинная мысль романа.

Эта мысль ясно выражается въ словахъ доктора Крупова, играющаго роль нѣкотораго *Стародума* въ этой драмѣ. „Не даромъ я всегда говорилъ“, проповѣдуетъ онъ въ заключеніе. „что *семейная жизнь вещь преопасная*.“ (Стр. 366). А въ чемъ заключается опасность семейной жизни, видно изъ словъ Круциферской, сидящей надъ больнымъ ребенкомъ и чувствующей, что она любитъ другаго, не мужа, не отца этого ребенка. „Что за непрочность всего, что намъ дорого,—страшно подумать! Такъ, какой-то вихрь несетъ, кружить всякую всячину, хорошее и дурное; и человѣкъ туда попадаетъ, и бросить его на верхъ блаженства, а потомъ внизъ. Человѣкъ воображаетъ, что онъ самъ распоряжается всѣмъ этимъ, а онъ, точно щепка въ рѣкѣ, повертывается въ маленькомъ кружечкѣ и плыветъ вмѣстѣ съ волной, куда случится—прибѣетъ къ берегу, унесетъ въ море, или увязнетъ въ тинѣ...? Скучно и обидно!“ (стр. 324).

Непобѣдная непрочность счастья, ничѣмъ непредотвратимая возможность потерь и бѣдъ, независящихъ отъ нашей воли,—вотъ та обидная и страшная сторона жизни, которую изображаетъ романъ.

Если мы ближе всмотримся, то найдемъ тутъ и другую мысль, которая впрочемъ только яснѣе отбѣняетъ первую. Попробуемъ разобрать симпатіи автора къ его лицамъ. Нравственно, или пожалуй юридически-виноватымъ онъ не считаетъ никого; но все-таки есть точка зрѣнія, въ которой онъ однимъ лицамъ сочувствуетъ болѣе, а другимъ менѣе, есть какой-то высшій судъ, который однихъ осуждаетъ, а другихъ оправдываетъ.

Приговоръ этихъ симпатій и этого суда у Герцена выходитъ прямо обратный обыкновенному пониманію. Герценъ наименѣе сочувствуетъ Круциферскому, то есть тому человѣку, который по обыкновеннымъ понятіямъ всего менѣе виноватъ, который не подалъ никакого повода къ несчастію, его поразившему. А болѣе всѣхъ оправдываетъ Герценъ Бельтова—того человѣка, отъ котораго произошла вся бѣда, который своимъ появленіемъ и вѣщательствомъ въ чужую семью разрушилъ ея счастье.

Круциферскій виноватъ именно потому, что онъ слишкомъ исключительно преданъ любви къ своей женѣ. Это не значитъ, что онъ любитъ эту женщину больше и страдаетъ изъ за нея сильнѣе, чѣмъ Бельтовъ, но значитъ только, что въ его сердцѣ не осталось

силы и мѣста ни для чего другаго. Любовь Круциферскаго Герценъ описываетъ такъ:

„Кроткій отъ природы, онъ и не думалъ вступать въ борьбу съ дѣйствительностію, онъ отступалъ отъ ея напора, онъ просилъ только оставить его въ покоѣ; но явилась любовь, такъ какъ она является въ этихъ организаціяхъ: не бѣшено, не безумно, но *на вѣки вѣковъ, но съ такимъ отданіемъ себя, что уже въ груди не остается ничего не отданнаго*“.

«Во всѣхъ его дѣйствіяхъ была таже кротость, что и на лицѣ, таже спокойствіе, таже искренность и таже робкая задумчивость. Нужно ли говорить, какъ такой человѣкъ долженъ былъ любить свою жену? Любовь его росла непрерывно, *тѣмъ болѣе, что ничто не развлекало его*; онъ не могъ двухъ часовъ провести, не выдавши темноглубыхъ глазъ своей жены; онъ трепеталъ, когда она выходила со двора и не возвращалась въ назначенный часъ; словомъ ясно было видно, *что все корни его бытія были въ ней*.»

«Круциферскій далеко не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ и настойчивымъ людямъ, которые создаютъ около себя то, чего нѣтъ; отсутствіе всякаго человѣческаго интереса около него дѣйствовало на него болѣе отрицательно, нежели положительно, между прочимъ потому, что это было въ лучшую эпоху его жизни, т. е. тотъ часъ послѣ брака. А потомъ онъ привыкъ, остался при своихъ мечтахъ, при нѣсколькихъ широкихъ мысляхъ, которымъ уже прошло нѣсколько лѣтъ, при общей любви къ наукѣ, при вопросахъ давно рѣшенныхъ. Удовлетвореніе болѣе дѣйствительнымъ потребностямъ души онъ искалъ въ любви, и *въ сильной натурѣ своей жены онъ находилъ все*» (стр. 278—280).

Вотъ вица Круциферскаго; онъ любилъ слишкомъ беззавѣтно, слишкомъ много. На бѣду и жена попалась слишкомъ хорошая, то есть такая, что могла поглотить весь запасъ душевныхъ потребностей, какой былъ у ея мужа. Чѣмъ исключительнѣе была любовь Круциферскаго, чѣмъ меньше у него оставалось жизни помимо этой любви, тѣмъ опаснѣе было его положеніе, тѣмъ болѣе бѣда грозила ему въ томъ случаѣ, если бы пошатнулась эта единственная опора его существованія. Вотъ почему, когда катастрофа разразилась, Бельтовъ произноситъ надъ Круциферскимъ такой разговоръ:

«Дмитрій Яковлевичъ хорошій человѣкъ, онъ ее безумно любитъ, но у него любовь—манія; онъ себя погубитъ этой любовью,—чтожь съ этимъ дѣлать?... *Хуже всего, что онъ и ее погубитъ*.» (Стр. 364).

Любовь есть чувство личное по самому существу дѣла, то есть чувство, удовлетворяемое только отношеніями другаго человѣка къ нашей личности, а не къ чему либо другому. Поэтому хотя любовь имѣетъ источникъ совершенно отличный отъ эгоизма, она носитъ на себѣ всѣ признаки, всѣ существенныя принадлежности эгоизма. Этотъ эгоизмъ любви—дѣло давно извѣстное, и черты его конечно всего яснѣе выступаютъ при такой исключительности въ любви, какую страдаетъ Крүциферскій. Нужно отлатъ полную справедливость Герцену, что эту большую сторону своего героя онъ описалъ превосходно. Вотъ нѣсколько подробностей.

«*Да, она его любитъ.* Сознавшись въ этомъ онъ съ ужасомъ сталъ отталкивать эту мысль, но она была упорна, она всплыла; мрачное, безумное отчаяніе овладѣло имъ, «*вотъ они, мои предчувствія! Чтѣ мнѣ дѣлать? и ты, и ты не любишь меня!*» И онъ рвалъ волосы на головѣ, кусалъ губы, и вдругъ въ его душѣ, мягкой и нѣжной, открылась страшная возможность злобы, ненависти зависти и потребность отомстить; и въ дополненіе—онъ нашолъ силу все это скрыть. Настала ночь...»

«Онъ заплакалъ. Слезы, молитва и покойный видъ спящаго Яши нѣсколько облегчили страдальца; толпа совсѣмъ иныхъ мыслей явилась въ размягченной душѣ его. „Да правъ ли я, что обвиняю ее? Развѣ она хотѣла его любить? И притомъ онъ... я чуть ли самъ не влюбленъ въ него... И нашъ восторженный мечтатель, сейчасъ безумный ревнивецъ, карающій мужъ, вдругъ рѣшился самоотверженно. Пусть она будетъ счастлива, пусть она узнаетъ мою самоотверженную любовь, *мишъ бы мнѣ ее видѣть, мишъ бы знать, что она существуетъ;* я буду ея братомъ, ея другомъ!» И онъ плакалъ отъ умиленія, и ему стало легче, когда онъ рѣшился на гигантскій подвигъ—на безпредѣльное пожертвованіе собою, и онъ *тѣшился мыслью, что она будетъ тронута его жертвою;* но это были минуты душевной натянутости; онъ менѣе, нежелая въ двѣ недѣли, изнемогъ, палъ подъ бременемъ такой ноши.»

«Не станемъ винить его;—подобныя противуестественныя добродѣтели, преднамѣренныя самозаклашія вовсе не по натурѣ человѣка и бывають большею частію только въ воображеніи, а не на дѣлѣ. На нѣсколько дней его стало; но первая мысль, ослабившая его героизмъ, *были холодная и узкая:—* «она думаетъ, я ничего не вижу, она хитритъ, она притворяется». О комъ думалъ онъ это? О женщинѣ, которую такъ любилъ, которую долженъ бы былъ знать, да не зналъ.» (Стр. 340—342).

Таковы эти мучительныя волненія. Ни желаніе добра, ни желаніе зла не могутъ оторваться отъ эгоистической подкладки; центрѣмъ остается все-таки личность любящаго, которую онъ никакими усилиями не можетъ выбросить изъ вопроса. Вотъ почему Круциферская, хорошо понимая душевное состояніе своего мужа, пришла къ такимъ мыслямъ:

„Какъ все странно и перепутано въ людскихъ понятіяхъ! Подумаешь иногда и не знаешь, сердиться или хохотать. Мнѣ сегодня пришло въ голову, что самоотверженныйъншая любовь—высочайшій эгоизмъ, что высочайшее смиреніе, что кротость—страшная гордость, скрытная жестокость; мнѣ самой дѣлается страшно отъ этихъ мыслей, такъ какъ бывало маленькой дѣвочкой я считала себя уродомъ, преступницей за то, что не могла любить Глафпры Львовны и Алексѣя Абрамовича; что же мнѣ дѣлать, какъ оборониться отъ своихъ мыслей и зачѣмъ? Я не ребенокъ. Дмитрій не обвиняетъ меня, не упрекаетъ, ничего не требуетъ; онъ сдѣлался еще нѣжнѣе. *Еще!* вотъ въ этомъ-то еще и видно, что все это неестественно, не такъ; въ этомъ столько гордости и униженія для меня и такая даль отъ пониманія.» (Стр. 335).

Очевидно Круциферскій лишился возможности относиться къ женѣ свободно, безъ всякой примѣси эгоистическихъ волненій. Въ его душѣ не осталось такъ сказать ни одного здороваго мѣста, никакой точки опоры для объективнаго пониманія дѣла. Онъ мучится *ревностію*, то есть эгоистическимъ требованіемъ отъ любимой женщины такой-же исключительной любви, какую самъ къ ней питаетъ. Человѣкъ всегда судить о другихъ по себѣ, и тотъ, кто живетъ и дышетъ одною страстью, предполагаетъ и въ другомъ или такую же страсть, или полное ея отсутствіе. Отсюда — всѣ подозрѣнія ревности, ея слѣпота, ея извращеніе правильнаго пониманія лицъ и отношеній.

Не такъ малодушна, хотя по словамъ автора не менѣе сильна любовь Бельтова и Круциферской. Этими двумя лицамъ всего болѣе симпатизируетъ авторъ, особенно Бельтову. Круциферская еще колеблется, еще готова признать себя виноватою и только понемногу убѣждается въ своей невинности. Бельтовъ же отъ начала до конца считаетъ себя не подлежащимъ никакому упреку и наставляетъ въ этомъ смыслѣ Круциферскую.

Когда онъ начинаетъ объясненіе въ любви, Круциферская говоритъ, что она любитъ мужа.

„Позвольте, возражаетъ онъ, развѣ непременно вы должны от-

вернуться отъ *одного сочувствія* другому, какъ будто любви у чело-
вѣка дается извѣстная мѣра?“

Круциферская недоумѣваетъ и говоритъ: „Я не понимаю любви къ двоимъ.“

Бельтовъ въ отвѣтъ выражается еще опредѣленнѣе. „Если любовь вашего мужа,“ говоритъ онъ, „дала ему права на вашу любовь, отчего же любовь другаго, искренняя, глубокая, не имѣетъ никакихъ правъ? Это странно!... Вы говорите, что не понимаете возможности любить вашего мужа и еще любить; не понимаете? Сойдите по глубже въ душу вашу и посмотрите, что въ ней дѣлается теперь, сейчасъ.“ (Стр. 311).

Круциферская принуждена наконецъ сознаться, что Бельтовъ правъ, что она любитъ и его, и сохраняетъ прежнюю любовь къ мужу. Однакоже, когда Бельтовъ вырвалъ у нея признаніе и подѣловалъ ее, она не рѣшается сказать о томъ мужу, и потомъ сама расканвается въ этой скрытности. „Бѣдный Дмитрій!“ пишетъ она въ своемъ дневникѣ, „ты страдаешь за безпредѣльную любовь твою; я люблю тебя, мой Дмитрій! *Еслибы я, съ самаго начала была откровенна съ нимъ, этого бы никогда не было; что за нечистая сила остановила меня?*“

„Господи! Какъ мнѣ объяснить это ему? я не другаго люблю, а люблю его и люблю Вольдемара; симпатія моя съ Вольдемаромъ совѣмъ иная....“

„Какъ только онъ успокоится, я поговорю съ нимъ, и все, все расскажу ему....“ (Стр. 331, 332).

Оказывается однакоже, что всѣ попытки тщетны, что Круциферскій не въ состояніи понять чувствъ своей жены; онъ не вѣритъ словамъ любви, которыя она ему расточаетъ, и долженъ погибнуть жертвою этого непониманія и невѣрія. Убѣдившись въ этомъ, жена его слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое душевное состояніе и всю мѣру ихъ общаго несчастія.

„Хуже всего, непонятнѣе всего, что у меня совѣсть покойна; я нанесла страшный ударъ чело-вѣку, котораго вся жизнь посвящена мнѣ, котораго я люблю, и я сознаю себя только несчастной; мнѣ кажется, было бы легче, если бы я поняла себя преступной; о, тогда бы я бросилась къ его ногамъ, я обвила бы моими руками его колѣни, я раскаяніемъ своимъ загладила бы все: раскаяніе выводитъ всѣ пятна на душѣ; онъ такъ нѣженъ, онъ не могъ бы противиться, онъ меня бы простилъ, и мы, выстрадавши другъ друга, были

бы еще счастливѣе. Что же это за проклятая гордость, которая не допускаетъ раскаянія въ душу?" (Стр. 336).

И такъ есть случай, есть положенія, которыя хуже всего, что обыкновенно считается самымъ худымъ на свѣтѣ.—хуже грѣха и преступленія. Въ грѣхѣ можно раскаяться, преступленіе искупается самымъ сознаниемъ виновности; но мучиться самому и мучить другихъ, не чувствуя себя ни въ чемъ виноватымъ,—вотъ горе самое тяжкое. Въ изображеніи такого горя и состояла настоящая цѣль Герцена; вотъ его любимая, задушевная мысль.

Бельтову авторъ симпатизируетъ всего больше, и легко догадаться, что въ этомъ лицѣ онъ изобразилъ самого себя, свое душевное настроеніе, свои взгляды. Бельтовъ ни минуты ни въ чемъ не кается, ни минуты ни въ чемъ не колеблется, хотя послѣ всей исторіи глубоко страдаетъ и говоритъ даже, что онъ можетъ быть *вдвое несчастнѣе другихъ*. Бельтову, какъ мы видѣли, не мѣшаетъ любовь Круциферской къ мужу; Бельтовъ не ревнивъ и не требуетъ отъ любимой женщины пожертвованія ея другими привязанностями; его любовь такъ широка, такъ чужда всякой исключительности, что не ослѣпляетъ его, не возбуждаетъ въ немъ никакой злобы, никакихъ несправедливыхъ укоровъ и жалобъ. Онъ ясно видитъ свое и чужое положеніе, тотчасъ догадывается, что самъ попалъ и привелъ другихъ въ неотвратимую бѣду и, мучась прямо этимъ настоящимъ горемъ, не мучится никакими напрасными мыслями и сомнѣніями. Онъ уѣзжаетъ, увѣренный въ любви Круциферской, въ своемъ несчастіи и несчастіи другихъ.

Когда докторъ Круповъ упрекаетъ Бельтова въ необдуманности, въ томъ, зачѣмъ онъ не предупредилъ несчастія, зачѣмъ не оставилъ заранѣе домъ Круциферскихъ, Бельтовъ отвѣчаетъ:

„Вы проще спросите, *зачѣмъ я живу вообще?* Дѣйствительно, не знаю! Можетъ для того, чтобы сгубить эту семью, чтобы погубить лучшую женщину, которую я встрѣчалъ. Вамъ все это легко спрашивать и осуждать. Видно въ васъ сердце-то смолоду билось тихо, а то бы осталось хоть что-нибудь въ воспомнаніи.“

„Первый разъ человекъ узналъ, что такое любовь, что такое счастье, и зачѣмъ онъ не остановился? Это наконецъ становится смѣшно, столько благоразумія у меня нѣтъ. Да и потомъ это вовсе было не нужно. Когда я отдалъ отчетъ, когда я самъ понялъ,— было поздно.“ (Стр. 362, 364).

И такъ смѣшны и нелѣпы всѣ укоризны, основывающіяся на томъ, что бѣду можно было предъотвратить и предвидѣть. Если бы

Круциферскій не женился на женщинѣ, которая ему не подь вару, еслибы Бельтовъ не пріѣзжалъ въ городъ, гдѣ жили Круциферскіе, еслибы онъ сторонился отъ всякой любви и заранѣе зналъ мѣру своихъ чувствъ, то конечно все было бы благополучно и не о чемъ было-бы рассказывать. Но это значитъ, что люди для спасенія себя отъ бѣдъ должны *отказаться отъ жизни* и всего больше беречься именно тѣхъ опасныхъ случаевъ, когда имъ предстоитъ любовь и счастье. Что-нибудь одно изъ двухъ — или не жить, или жить и страдать, — такова дилемма, которую поставилъ романъ. На вопросъ: кто виноватъ?—романъ отвѣчаетъ: сама жизнь, самое свойство человѣческихъ душъ, не могущихъ отказаться отъ счастья и предвидѣть, какъ далеко заведутъ ихъ собственные чувства, и вслѣдствіе того страдающихъ отъ всякаго рода встрѣчъ и случайностей, которыя наносятъ удары этимъ чувствамъ и разрушаютъ это счастье.

IV.

Нужно сказать правду — любовь Бельтова и Круциферской описана у Герцена слабо, безъ той художественной живости и ясности, которая позволяла бы намъ видѣть ея внутреннія движенія. Особенно неопредѣленно рассказаны ощущенія Бельтова. Между тѣмъ въ этой любви все дѣло. Романъ собственно изображаетъ противоположность двухъ родовъ любви. Одна любовь—Круциферскаго, —старшій, извѣстный родъ любви—приводитъ къ гибели того, кто ей подвергся. Другая любовь—новая, болѣе нормальная; Бельтовъ, какъ ни сильно онъ влюбленъ, не погибнетъ, не пропадетъ въ своемъ несчастіи; у Бельтова есть выходъ въ другую сферу, есть другіе интересы, которыми онъ можетъ жить. Таково поученіе, заключающееся въ романѣ.

Если взять дѣло съ этой точки зрѣнія, то романъ *Кто виноватъ* представляетъ очевидно воплощеніе мысли, постоянно занимавшей Герцена и выраженной имъ гораздо раньше романа въ статьѣ: *По поводу одной драмы*. (Отеч. Зап. 1843, июль).

Въ этой статьѣ тотъ же самый вопросъ трактуется въ отвлеченной формѣ и поставленъ превосходно, съ истинно-философской глубиною. Статья написана по поводу какой-то французской театральной пьесы, которой Герценъ не называетъ и которая теперь забыта вмѣстѣ съ двумя ея авторамъ, Arnaud et Fournier. Пьеса содержитъ цѣлый рядъ несчастій, происходящихъ отъ столкновеній люб-

ви. Сужденія Герцена, относящіяся къ этой пьесѣ, такъ же хорошо относятся и къ его роману *Кто виноватъ*.

„Жизнь лицъ, говоритъ онъ, печально прошедшихъ передъ нашими глазами, была жизнь односторонняго сердца, жизнь личныхъ преданностей, исключительной нѣжности.“

„При такомъ направленіи духа, начала кроткаго, тихаго семейнаго счастья лежали въ нихъ; они могли-бы быть счастливы, даже нѣкоторое время были—и ихъ счастье было-бы дѣломъ случая, также какъ и ихъ несчастье. Миръ, въ которомъ они жили—миръ случайности.“

„Такимъ хрупкимъ счастьемъ человѣкъ не можетъ быть счастливъ.“

„Судьба всего исключительно-личнаго, не выступающаго изъ себя, —незавидна; отрицать личные несчастья недѣло; *вся индивидуальная сторона челоюька погружена въ темный лабиринтъ случайностей, перестыкающихся, влетающихъ другъ въ друга*; дикія физическія силы, непросвѣтленныя влеченія, встрѣчи—имѣютъ голосъ, и изъ нихъ можетъ составиться согласный хоръ, но могутъ пронзойти и раздрающіе душу диссонансы.“ (Стр. 105).

„Лица нашей драмы отравили другъ другу жизнь, потому что они слишкомъ-близко подошли другъ къ другу и, занятыя единственно и исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись; страстность ихъ, не имѣя другаго выхода, сожгла ихъ самихъ. Человѣкъ, строящій свой домъ на одномъ сердцѣ, строить его на огнедышащей горѣ. Люди, основывающіе все благо своей жизни на семейной жизни, ставятъ домъ на песокъ. Быть можетъ, онъ простоятъ до ихъ смерти; но обезпеченія нѣтъ, и домъ этотъ, какъ дома на дачахъ, прекрасенъ только во время хорошей погоды. Какое семейное счастье не раздробится смертью одного изъ лицъ?“

„Тамъ гдѣ жизнь подчинена чувствамъ, подчинена частному и личному, *тамъ ждите бѣды и горестей...*“ (Стр. 107).

Вотъ мысли, которыя съ большою силою занимали Герцена. Его глубоко поражала невозможность счастья въ той области, которую слѣдуетъ называть по преимуществу областью счастья, въ сферѣ личныхъ привязанностей. Онъ не думалъ, подобно многимъ утопистамъ, что можно устранить эти страданія—инымъ устройствомъ общества, облегченіемъ разводовъ, узаконіемъ болѣе легкихъ связей между мужчинами и женщинами и т. п. Онъ прямо признавалъ, что здѣсь бѣды и горести пропорціональны счастью и радостямъ, что допуская одни, нужно допустить и другія, что никакой прочности, ни-

какого спокойствія здѣсь быть не можетъ, и слѣдовательно не можетъ быть и истиннаго счастья. Нельзя быть благополучнымъ, когда все зависить отъ случая, отъ обстоятельствъ, которыхъ невозможно предъотвратить и предвидѣть. Эта *страшная изнанка жизни человеческой* была очень ясна Герцену, и надъ нею-то онъ задумывался.

„Случайность, продолжаетъ онъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто невыносимо-противное для свободнаго духа; ему такъ оскорбительно признать неразумную власть ея, онъ такъ стремится подавить ее, что, не зная выхода, выдумываетъ лучше грозную судьбу и покоряется ей; хочетъ, чтобы бѣдствія, его постигающія, были предопредѣлены, т. е., состояли-бы въ связи съ всемірнымъ порядкомъ; онъ хочетъ принимать несчастія за преслѣдованія, за наказанія: тогда ему есть утѣха въ повиновеніи или въ ронотѣ; одна случайность для него невыносима, тягостна, обидна; гордость его не можетъ вынести безразличной власти случая. Эта ненависть и стремленіе выйдти изъ подъ ярма указываютъ довольно ясно на необходимость другой области, *иного міра*, въ которомъ врагъ поправъ, духъ свободенъ и дома.“ (Стр. 105).

И такъ требуется выходъ изъ царства случайности, требуется нѣкоторой иной міръ, въ которомъ бы человѣкъ могъ жить болѣе прочно и спокойно. Герценъ разбираетъ слѣдующіе три выхода:

1. *Стоическій формализмъ.*
2. *Религія.*
3. *Общіе интересы.*

Формализмъ. по словамъ Герцена „стремится рабски подчинить страсти сердца, всю естественную сторону, всѣ личныя требованія — разуму, какъ бы чувствуя, что онъ не совладаетъ съ ними, пока они на волѣ.“ (Стр. 103). Формализмъ хотѣлъ бы, чтобы сердце подчинялось отвлеченному понятію долга, чтобы люди постоянно жертвовали собою ради осуществленія нѣкоторыхъ идей, на примѣръ идеи брака, исполненія принятыхъ обязательствъ и т. п. Этотъ выходъ Герценъ называетъ мертвящимъ и насильственнымъ.

Другое дѣло *религія*. «Религія,» говоритъ Герценъ, «устремляется въ другой міръ, въ которомъ также улечиваются страсти земныя; но этотъ другой міръ не чуждъ сердцу; напротивъ въ немъ сердце находить покой и удовлетвореніе; сердце не отвергается имъ, а опускается въ него; во имя его религія могла требовать жертвованія естественными влеченіями; въ высшемъ мірѣ религіи личность призвана, всеобщее нисходитъ къ лицу, лицо поднимается во все-

общее, не переставая быть лицомъ; религія имѣетъ собственно двѣ категоріи: всемірная личность Божественная и единичная личность человѣческая... Религія снимаетъ (*m. e. отрицаетъ, aufhebt*) семейную жизнь, какъ и частную, во имя высшей, и громко призываетъ къ ней: «кто любитъ отца своего и мать болѣе меня—тотъ недостойнъ меня.» Эта высшая жизнь не состоитъ изъ одного отрицанія естественныхъ влеченій и сухаго исполненія долга: *она имѣетъ свою положительную сферу въ всеобщихъ интересахъ своихъ*; поднимаясь въ нее, личные страсти сами-собою теряютъ важность и силу,—и это единственный путь обузданія страстей—свободный и достойный человѣка.» (Стр. 104).

Вотъ прекрасное указаніе на значеніе религіи. Герценъ признаетъ, что единственное рѣшеніе, достойное человѣка, должно быть подобно тому рѣшенію, которое даетъ религія. Нужно найти какую-нибудь *высшую жизнь*, подобную той, къ которой *устремляется* религія, такую жизнь, гдѣ бы сердце человѣка могло обрѣсти обильную пищу. Только такую жизнью могутъ быть заглажены и испѣлены несчастія личныхъ привязанностей, неизбежныя горести индивидуальной жизни. И вотъ настоящій выходъ, настоящее рѣшеніе:

«Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство—всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ *развить эгоистическое сердце въ сердце всѣхъ-скорбящее*, обобщить его разумомъ, и въ свою очередь оживить имъ разумъ... Человѣкъ безъ сердца—какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семья, ни друга, ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всеогрѣвающего и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіи, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преобразуется, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе: по мѣрѣ расширенія интересовъ, *уменьшается сосредоточенность около своей личности*, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей.» (Стр. 106).

Вотъ тотъ *иной мѣръ*, въ который долженъ уходить человѣкъ изъ области своей личной жизни; это мѣръ всеобщихъ интересовъ, жизнь общественная, художественная, научная. Рѣшеніе по видимому самое полное, самое ясное и удовлетворительное.

Одно только дурно—рѣшеніе это принадлежит не самому автору. Герцену принадлежит только вопросъ, а рѣшеніе онъ заимствовалъ изъ нѣмецкой книги, изъ той знаменитой философіи, которая тогда царилъ въ Европѣ. Эта философія породила безчисленные ряды формулъ, разрѣшающихъ всевозможные вопросы, опредѣляющихъ отношенія между всевозможными понятіями. Но эти формулы большею частію оказались въ послѣдствіи или тавтологіями или двусмысленностями, оказались столь широкими и неопредѣленными, что какъ-будто не имѣли своего содержанія, а могли вмѣстить въ себя самыя противоположныя ученія.

Такъ и здѣсь. Герценъ хочетъ сказать, что для спасенія себя отъ личныхъ бѣдъ и превратностей челоуѣкъ долженъ слѣдить за современностію, принимать участіе въ общественной, научной, художественной жизни. Онъ хвалитъ Бельтова за то, что тотъ постоянно слѣдитъ за прогрессомъ челоуѣческой мысли, и осуждаетъ Круциферскаго за то, что онъ отсталъ отъ идей вѣка и пересталъ о нихъ заботиться. Но въ формулѣ, данной Герценомъ не заключается именно этого опредѣленнаго смысла. *Не сосредоточивайся около своей личности, раскрой свою душу всему челоуѣческому*—этотъ совѣтъ одинаково годится и для революціонера, пытающагося измѣнить ходъ всемірной исторіи, и для монаха, удалившагося отъ всякихъ дѣлъ и всякой современности,—и даже для второго годится гораздо больше, чѣмъ для перваго. И въ томъ и въ другомъ случаѣ можно сказать: „кто погубитъ свою душу, тотъ спасетъ ее“—эпиграфъ одной изъ статей Герцена (*Буддизмъ въ наукѣ* Отеч. Зап. 1843. Декабрь). Гдѣ бы ни жлъ челоуѣкъ, онъ живетъ среди людей, среди нѣкоторыхъ интересовъ, нѣкоторой жизни, и весь вопросъ въ томъ, какъ поставитъ себя къ этой жизни, какъ относиться къ ней своею душою.

Для ясности укажемъ на тотъ удивительный образъ, который созданъ гр. Л. Н. Толстымъ, на Платона Каратаева. Вотъ челоуѣкъ, въ которомъ прочно и ясно установились всѣ жизненные отношенія, который въ силу этого спокоенъ и простъ среди всякихъ бѣдъ и въ самую минуту смерти. Онъ представляетъ живое, воплощенное рѣшеніе той задачи, которая мучила Герцена. Сюда относятся слѣдующія черты духовной жизни Каратаева:

«Онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо; главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи *событія самыя простыя*, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго *благообразія*. Онъ любилъ

слушать сказки, но больше всего онъ любилъ слушать рассказы о настоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе рассказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему рассказывали. *Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ, но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чѣмъ его сводила жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ,—не съ извѣстнымъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были передъ его глазами. Онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, Французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, не смотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему, ни на минуту не огорчился бы разлукой съ нимъ.*

«Жизнь Каратаева, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ». (Война и Миръ. т. V, стр. 235, 236).

Вотъ разрѣшеніе, которое представляетъ не только выходъ изъ бѣдствій случайности, но и положительное благополучіе, не только побѣду надъ личнымъ страданіемъ, но и совершенную свободу отъ такихъ страданій. Въѣсто науки и искусства для Каратаева существуютъ только рассказы, пѣсни и сказки; вмѣсто современной жизни человѣчества—жизнь тѣхъ простыхъ людей, съ которыми столкнулъ его случай. А между тѣмъ формула Герцена исполнена совершенно; *эгоистическое, естественное сердце превратилось въ вслѣзъ-скорбящее и даже вслѣзъ-радующееся.*

И такъ формула Герцена имѣетъ слишкомъ широкій смыслъ и нимало не характеризуетъ его собственныхъ мыслей. Въ этомъ отношеніи вообще можно замѣтить, что въ каждомъ писателѣ—слѣдуетъ различать, что въ немъ свое и что наносное. Такъ поклоненіе Гёте не могло составлять особенности Герцена; это было общее явленіе тогдашней умственной жизни; для Герцена же характерично именно противоположное явленіе—сомнѣніе въ справедливости этого поклоненія. Такъ точно и здѣсь; оригинальной мысли Герцена слѣдуетъ искать въ томъ углубленіи, которое онъ придаетъ вопросу, а не въ отвлеченныхъ формулахъ, которыя онъ беретъ изъ чужихъ рукъ и которыми, слѣдуя духу времени, думаетъ разрѣшить вопросъ. Неудовлетворенность рѣшеніемъ невольно проглядываетъ у самаго Герцена; ее не трудно замѣтить и выдѣлить изъ общихъ разсужденій. Настоящая мысль Герцена

яснѣ всего выражена въ началѣ статьи; это не мысль примиренія, а напротивъ мысль тревоги и разлада.

«Все окружающее, говоритъ онъ, подверглось пытующему взгляду критики. Это болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя были опредѣлены—справедливо или нѣтъ, но опредѣлены. Оттого много думать было нечего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась».

„На всѣхъ перепутьяхъ жизни стояли тогда разныя неподвижныя тѣни, грозныя привидѣнія для указанія дороги, и люди покорно шли по ихъ указанію“.

«Ко всему привязывающійся, сварливый вѣкъ нашъ, шатая и раскачивая все, что попадалось подъ руку, добрался наконецъ до этихъ призраковъ, подточилъ ихъ основаніе, сжегъ огнемъ критики, и они улетучились, исчезли. Стало просторно; но просторъ даромъ не достается; люди увидѣли, что вся отвѣтственность, падавшая вѣкъ ихъ, падаетъ на нихъ; *упреки стали злѣе грызть совѣсть. Сдѣлалось тоскливо и страшно* — пришлось проводить сквозъ горнило сознанія статью за статью прежняго кодекса... Ясное, какъ дважды два четыре, нашимъ дѣдамъ—исполнилось *мучительной трудности* для насъ. *Въ событіяхъ жизни, въ наукахъ, въ искусствахъ насъ преслѣдуютъ неразрѣшимые вопросы, и, вмѣсто того, чтобы наслаждаться жизнью, мы мучимся.* Подъ чась, подобно Фаусту, мы готовы отказаться отъ духа, вызваннаго нами, чувствуя, что онъ не по груди и не по головѣ намъ. Но бѣда въ томъ, что духъ этотъ вызванъ не изъ ада, не съ планетъ, а изъ собственной груди человѣка, и ему некуда исчезнуть“ (Стр. 96 и 97).

Вотъ правдивое изложеніе душевнаго и умственнаго настроенія Герцена. Вопросы являются ему *неразрѣшимыми*; они его мучаютъ, не даютъ ему жить, наводятъ на него тоску и страхъ.

Какъ хорошо въ этомъ виденъ дѣйствительный скептикъ, дѣйствительный мыслитель! Какая разница между нимъ и тѣми самоодвольными туинцами, для которыхъ скептицизмъ составляетъ какое-то наслажденіе, которые безъ малѣйшей боли басаются завѣтнѣйшихъ струнъ человѣческаго существованія и точно радуются тому, что сердце ихъ пусто и глухо, что для нихъ нѣтъ ничего дорогаго на свѣтѣ! Герценъ не былъ болтуномъ, услаждающимся своею болтовнею; подъ его рѣчами и умствованіями всегда была живая подкладка; теоретическіе вопросы превращались у него въ

жизненные вопросы; они его мучили, как нравственные задачи, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно спокойно и увѣренно жить и дѣйствовать.

Рѣшеніе того вопроса, о которомъ говорится въ статьѣ: *По поводу одной драмы*, Герценъ заимствовалъ изъ тогдашней нѣмецкой мудрости. Но легко замѣтить, какъ мало оно его удовлетворяло. Уже поставивши чужую формулу для разрѣшенія вопроса, онъ тотчасъ проговаривается и высказываетъ свою собственную мысль:

«Человѣческая жизнь—*трудная статическая задача*». (Статика—наука о равновѣсіи).

«Человѣкъ развившійся—равно не можетъ ни исключительно жить семейной жизнью, ни отказаться отъ нея въ пользу всеобщихъ интересовъ».

Отсюда вытекаетъ, какъ неизбежное слѣдствіе—то обиліе человѣческихъ бѣдствій, которое занимаетъ Герцена, именно постоянная «*возможность скорбныхъ катастрофъ, поражающихъ нѣжныя одухотворенныя существованія развитыхъ странъ*». (Стр. 106).

Очевидно прибавленіе общихъ интересовъ къ интересамъ личнымъ только увеличиваетъ трудность задачи, только умножаетъ число тѣхъ случаевъ, когда сердцу человѣческому необходимо приходится страдать. Романъ *Кто виноватъ* есть развитіе въ образахъ и лицахъ той самой темы, на которую написана статья *По поводу одной драмы*. Въ романѣ мы находимъ ту же самую мысль въ болѣе зрѣлой и ясной формѣ. Что же мы видимъ? Бельтовъ есть человѣкъ вдвойнѣ несчастный, вдвойнѣ страдающій. Преданность общимъ интересамъ не только не дала ему твердой точки опоры, а привела къ мыслямъ *горькимъ и страннымъ* (стр. 312), къ *безотрадному и грустному* взгляду на міръ (стр. 234). Новая бѣда, которую онъ сдѣлалъ и которой онъ самъ подвергся въ романѣ, есть только слѣдствіе прежнихъ его страданій. Когда докторъ Круповъ упрекаетъ Бельтова за его любовную исторію, тотъ объясняетъ свое поведеніе слѣдующимъ образомъ:

«Я пріѣхалъ сюда въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ моей жизни. Въ послѣднее время я разстался съ заграничными друзьями; здѣсь не было ни одного человѣка близкаго мнѣ; я толкнулся къ нѣкоторымъ въ Москвѣ—ничего общаго! Это укрѣпило меня еще болѣе въ намѣреніи ѣхать въ NN. Вы знаете, что здѣсь было и весело ли я жилъ. Вдругъ я встрѣчаю эту женщину...»

«Какія мгновенія истиннаго блаженства я испыталъ въ эти вечера, когда мы долго бесѣдовали!—Я отдохнулъ за весь холодъ,

испытанный мною въ жизни. Первый разъ человѣкъ узналъ, что такое любовь, что такое счастье, и зачѣмъ онъ не остановился? Это, наконецъ, становится смѣшно...» (Стр. 362—364).

И такъ Бельтовъ влюбился въ Круциферскую, спасаясь отъ того холода и тяжести, которые онъ испытывалъ въ служеніи общимъ интересамъ. Выходитъ такъ, что сфера этихъ интересовъ иногда не отвлекаетъ отъ катастрофъ личной жизни, а наталкиваетъ на нихъ. Въ другомъ мѣстѣ Бельтовъ причисляетъ самаго себя къ людямъ, одареннымъ *такими силами и стремленіями, которыхъ некуда употребить*, для которыхъ исторія, т. е. вся совокупность общихъ интересовъ, не представляетъ выхода, поприща, запроса.

«Всего рѣже», говоритъ онъ о такихъ людяхъ «выходитъ изъ нихъ тихіе, добрые люди; ихъ *безпокоятъ у домашняго очага подкія мысли.* Дѣйствительно, странныя вещи приходятъ въ голову человѣку, когда у него нѣтъ выхода, когда жажда дѣятельности бродитъ болѣзненнымъ началомъ въ мозгу, въ сердцѣ, и надобно сидѣть, сложа руки... а мышцы такъ здоровы, а крови въ жилахъ такая бездна... Одно можетъ спасти тогда человѣка и поглотить его... это встрѣча... встрѣча съ...» (Стр. 298—300).

Бельтовъ разумѣетъ встрѣчу съ такой женщиной, какъ Круциферская. И такъ онъ потому особенно расположенъ влюбляться и даже въ чужихъ жонъ, что въ общей сферѣ ему некуда дѣвать свои силы. Это положеніе внушаетъ ему даже отчаянную жадность ко всякаго рода мнунтымъ отрадамъ. Разсуждая съ докторомъ Круповымъ о своемъ здоровьи, онъ выражается такъ:

«Что будетъ пользы, если я проживу еще не десять, а пятнадцать лѣтъ? Кому нужна моя жизнь, кромѣ моей матери, которая сама очень ненадежна? *Я бесполезный человекъ*, и, убѣдившись въ этомъ, я полагаю, что я одинъ хозяинъ надъ моею жизнью; я еще не на столько разлюбилъ жизнь, чтобы застрѣлиться, и ужъ не люблю ее настолько, чтобы жить на діэтѣ, водить себя на помочахъ, *устранять сильныя ощущенія и вкусныя блюда*, для того, чтобы продлить на долгое время эту жизнь больничнаго пациента». (Стр. 273).

И такъ это человѣкъ страшно голодный серпцемъ, и съ этого голоду неудержимо бросающійся на ту пищу личнаго чувства, которая пришлась ему по вкусу. Вотъ отчего онъ полюбилъ Круциферскую и ни за что не хотѣлъ остановиться въ этой любви. Печальное состояніе, которое разумѣется ни къ чему доброму привести не можетъ!

Очевидно, слѣдовательно, Герцену хотѣлось изобразить въ Бельтовѣ человѣка, для котораго *трудная статическая задача* жизни неразрѣшима, который одинаково подвергся страданію и въ области общихъ интересовъ и въ области индивидуальныхъ радостей. Такимъ образомъ вмѣсто яснаго философскаго рѣшенія представляемаго статьею, романъ представляетъ смыслъ болѣе запутанный, болѣе мрачный, болѣе соответствующій истинному міросозерцанію Герцена. Не одна область личныхъ интересовъ подвержена неразумной, грубой случайности, дѣлающей невозможнымъ счастье, — какъ то доказываетъ судьба Круциферскаго. Область общихъ интересовъ, исторія — стольже неразумно и жестоко можетъ погубить человѣка, недавая выхода его силамъ, не представляя запросана живущія въ немъ стремленія, какъ то доказываетъ свою судьбою Бельтовъ. Счастье для Бельтовыхъ еще менѣе возможно, чѣмъ для Круциферскихъ: для первыхъ возможны только счастливыя минуты, вторымъ могутъ выпасть на долю дѣлнегоды радости. Общій выводъ — человѣкъ не можетъ быть счастливъ.

«Надо быть поглубѣ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Круциферскій „для того, чтобы быть посчастливѣе; посмотрите, какъ невозможно счастливо, напр. птицы, звѣри, отъ того, что они меньше насъ понимаютъ“ (стр. 230).

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ ту же мысль съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

„Всякій звѣрь ловко приспособленъ природою къ извѣстной формѣ жизни. А человѣкъ... не ошибка-ли тутъ какая-нибудь? Просто, сердцу и уму противно согласиться съ возможностью того, чтобы прекрасныя силы и стремленія давались людямъ для того, чтобы они раздѣдали ихъ собственную грудь. На что же это?“

Но Бельтовъ отвѣчаетъ на это безъ колебаній и раздумья.

„Вы совершенно правы, съ жаромъ возразилъ онъ Круциферскому: — и съ этой точки зрѣнія вы не выпутаетесь изъ вопроса.“ (стр. 298).

Таковъ смыслъ романа. Онъ содержитъ въ себѣ вопросъ, изъ котораго выпутаться невозможно; онъ устанавливаетъ точку зрѣнія, съ которой жизнь человѣческая является съ ея темной, безотрадной стороны.

Всякая поэзія, всякая философія есть нѣкотораго рода теодицея. Поэты и философы обыкновенно дѣлаютъ тоже дѣло, какое составляло главную черту умственной жизни Платона Каратаева: они придаютъ жизни и міру „характеръ торжественнаго благообразія“, они умѣютъ сами видѣть и уяснять другимъ лицевую сторону предметовъ и событій. Герцена же неудержимо привлекала другая сто-

рона, то, что онъ самъ называлъ „страшною изнанкою жизни человѣческой“. Во всемъ, чего онъ ни касался своею мыслію, онъ видѣлъ этотъ исподъ; вещи самыя простыя, которыя мы видимъ, не замѣчая ихъ, получали у него характеръ самаго грустнаго безобразія, самой жестокой безотрадности.

V.

Уже не задолго передъ отъѣздомъ за границу, съ котораго начинается новый періодъ дѣятельности Герцена, была написана имъ шутка, которая до сихъ поръ на равнѣ съ романомъ *Кто виноватъ* живетъ въ памяти русскихъ читателей. Это небольшой отрывокъ, подъ заглавіемъ: *Изъ сочиненія доктора Крупова „о душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности“*. (Современникъ 1847. Т. V.)

Кто помнитъ доктора Крупова, тотъ помнитъ конечно и его теорію. Она состоитъ въ томъ, что люди вообще говоря повреждены въ умѣ, что человѣчество поражено повальнымъ сушасшествіемъ. Уморныя заблужденія людей, ихъ слѣпое подчиненіе страстямъ, ихъ дѣйствія, явно противорѣчащія ихъ собственной пользѣ—все это докторъ Круповъ считаетъ слѣдствіемъ давнишняго эпидемическаго помѣшательства.

Для того, чтобы подобная шутка была остра и занимательна, нужно было одно условіе—нужно было, чтобы она какъ можно ближе походила на правду, чтобы почти вполне представляла выраженіе искренняго убѣжденія. Истинно-остроуменъ можетъ быть только тотъ, кто истинно-глубокомысленъ. Шутка у Герцена вышла страшная; изъ простой насмѣшки надъ людскими слабостями и предразсудками она переходитъ въ скорбную, въ отчаянную думу о бѣдствіяхъ и страданіяхъ людей, и подъ конецъ кажется, что мысль о хроническомъ и повальномъ умопомѣшательствѣ гораздо легче и отраднѣе, чѣмъ представленіе, что люди всѣ свои безумства и злодѣйства дѣлаютъ въ полномъ разумѣ и съ неповрежденнымъ сердцемъ.

Фигура дурачка Лѣвки—едвали не лучшее лицо, созданное Герценомъ. Въ описаніи этого лица онъ наглядно и превосходно сопоставляетъ человѣка *дикаго* съ людьми *грубыми*; на сторонѣ грубыхъ людей оказывается больше непониманія, больше безчеловѣчія, чѣмъ у несчастнаго юродиваго. Точно и ясно схвачены нѣжныя, дѣтскія черты ума и сердца Лѣвки; вышукло и рѣзко выставлена нелѣпая затвердѣлость понятій людей, считающихъ только себя

разумными, только свою жизнь нормальною. Невозможно лучше показать все *неразуміе* неподвижныхъ формъ жизни, о которыя разбивается всякая отступающая отъ нихъ индивидуальность.

«Меня поразила, пишетъ докторъ Круповъ, мысль, которая потомъ преслѣдовала всю жизнь: «Счего люди, окружающіе его (Лёвку), воображаютъ, что они лучше его? Счего считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе,—никогда никому не сдѣлавшее вреда?» и какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: оттого, что и всѣ остальные—юродивые, только на свой ладъ, и сердятся, что Лёвка глупъ по своему... Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Лёвка хуже другихъ? Тѣмъ, что онъ не приноситъ никакой пользы? Ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня, и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они жили и для чего они жили — *идъ же польза ихъ существованія?* Наслажденіе жизнью? Да они ея никогда не наслаждались, *по крайней мѣрѣ гораздо меньше Лёвки.* Для нихъ жизнь была тяжелая ноша и скучный обрядъ. Дѣти? дѣти могутъ быть и у Лёвки: это дѣло не хитрое. Зачѣмъ Лёвка не работаетъ? Да что же за бѣда; онъ ни у кого ничего не проситъ, кой-какъ сытъ. Чѣмъ же онъ хуже умниковъ, которые *не смотря на то, что работаютъ денно и ночью, не богаче его? Работа не наслажденіе какое нибудь;* кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ.... Лёвка никогда дома не живетъ, не исполняетъ обязанностей сына, брата? Ну, а тѣ, которые дома, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, *живущихъ въ постоянной ссорѣ между собою,* которая дѣлается въ родѣ тридцатилѣтней войны.... И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Лёвку состоитъ въ томъ, что Лёвка глупъ на свой собственный салтыкъ, а другіе *повально глупы;* и такъ какъ картежники не любятъ непугающихъ и ньяницы непьющихъ, такъ и они ненавидятъ бѣднаго Лёвку.» (Стр. 11 и 12).

Читатель видитъ, что это вовсе не шутки, а совершенно серьезныя мысли, что здѣсь берутся тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ открывается пустота, слѣдовательно неразумность и ничтожество жизни. Люди похожи на безумныхъ потому, что чѣмъ-то довольны и изъ-за чего-то бьются, тогда какъ въ сущности они достойны только жалости и жизнь ихъ часто не имѣетъ никакой цѣли.

За тѣмъ Герценъ еще болѣе сглаживаетъ тонкую черту разделяющую умъ отъ безумія. Мысли обыкновенныхъ людей часто бы-

вають также недѣлы, какъ и мысли сумасшедшихъ, и разница только въ томъ, что чувство дѣйствительности однихъ останавливаетъ, а другихъ нѣтъ.

«Странные поступки безумныхъ, рассказываетъ докторъ Круповъ, ихъ раздражительную злобу объяснялъ я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердить ихъ и ожесточаетъ непрерывнымъ противорѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ *idée fixe*. Замѣчательно, что люди дѣлають все это только въ домахъ умалпшенныхъ; внѣ ихъ *существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какаѣ-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признають пункты помпшательства другъ въ другъ... Объясню примѣрами. Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій нѣмецъ въ мірѣ, безъ сомнѣнія болѣе поврежденный, чѣмъ половина больныхъ его.»*

«Больные не любили его оттого, что онъ, самъ стоя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе.»

«Я китайскій богдыханъ! кричалъ ему одинъ больной, привязанный на толстой веревкѣ, которая по необходимости ограничивала богдыханскую власть его. — Ну когда же китайскій императоръ сидитъ на веревкѣ? отвѣчалъ добрѣйшій нѣмецъ съ пресерьознымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій богдыханъ передъ нимъ. — Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь, и долго не могъ потомъ успокоиться. Я совсѣмъ напротивъ подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія. «Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца», говорилъ я ему: — «позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покатать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастье освѣжать почтенную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа....», и больной улыбался и позволялъ съ собою все, что я желалъ. Обращаю особенное вниманіе на то, что я для этого больного не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ всѣ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ вездѣ, на улицѣ, въ гостинной и пр. — Надобно замѣтить, что въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старикъ — воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и зрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, — и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно; однако главный докторъ слушалъ его до конца и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его —

а китайскаго богдыхана дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость?» (Стр. 17 и 18).

Наконецъ Герценъ переходитъ къ главному доказательству. Онъ указываетъ на тотъ явный, постоянный вредъ, который наносятъ люди себѣ самимъ въ силу своихъ предразсудковъ, на ихъ *явное и постоянное стремленіе къ цѣлямъ несущественнымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ*. Это уже черта настоящаго безумія, то есть такого состоянія, въ которомъ дѣйствительность не имѣетъ силы надъ человѣкомъ. Если человѣкъ подвергается бѣдамъ и мученіямъ дѣйствуя по извѣстнымъ понятіямъ, и однакоже не можетъ образумиться и продолжаетъ прежній образъ дѣйствій, то онъ всего ближе къ безумному. Намъ привелось бы выписать весь отрывокъ, еслибы мы стали приводить превосходные образы и сцены, которыми докторъ Круповъ подтверждаетъ свою мысль.

Эта мысль выражена такъ ярко и поразительно, что наконецъ вмѣсто смѣха наводитъ на читателя ужасъ. Невозможно читать безъ нѣкотораго содраганія заключеніе доктора Крупова:

«Успокоившись на счетъ жителей нашего города (т. е. убѣдившись, что они безумные), я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя историческія творенія и подписался на «Гамбургскій Безпристрастный Корреспондентъ». — Отовсюду текли доказательства очевидныя, неподлежащія сомнѣнію моею основною мысли; слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже о Гамбургской газетѣ; на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ страждущихъ душевными болѣзнями. Все равно, что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Тита Ливія или Муратори я бралъ, Тацита или Гиббона—никакой разницы: всѣ они доказываютъ одно, что *исторія не что иное, какъ связанный рассказъ родового хроническаго безумія* и его медленнаго излеченія (этотъ рассказъ даетъ намъ по наведенію полное право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше). Истинно не считаю нужнымъ приводить примѣры: ихъ миллионы. Разверните какую хотите исторію; вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; взгляните, пзъ за чего льется кровь, пзъ за чего несутъ крайность, что восхваляютъ, что порицаютъ,—и вы ясно убѣдитесь въ

несчастной на первый взгляд истинѣ, и истинѣ, полной утѣшенія на второй взглядъ, что все это — слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей». (Стр. 26, 27).

Такова шутка Герцена. Нужно ли говорить, какъ сильно въ ней отражается мрачный взглядъ Герцена на человѣческую природу, его чуткость ко всѣмъ темнымъ сторонамъ жизни!

Опять замѣтимъ ту великую разницу, которая обнаружилась и въ этомъ случаѣ между Герценомъ и другими изъ нашихъ писателей, трактовавшими о всемірной исторіи. Есть у насъ мыслители (читатель найдетъ ихъ не мало, на примѣръ, въ любопытномъ журналѣ «Дѣло»), которые смотрятъ на всемірную исторію повидимому весьма мрачно, а въ сущности очень весело. Для нихъ вся исторія представляетъ сплошной рядъ сумасбродствъ и безумствъ, и родъ человѣческой отъ начала и до сихъ поръ состоитъ большею частію изъ людей пораженныхъ душевными болѣзнями. Эти мыслители принимаютъ за правду то, что Герценъ говорилъ какъ шутку. Но за то они имѣютъ утѣшеніе, которое почему-то не имѣло силы надъ Герценомъ. Именно они полагаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они сами явились на свѣтъ, — на свѣтъ уже существуютъ люди вполне здоровые умственно и нравственно, что съ тѣхъ поръ, какъ издается журналъ «Дѣло» и другіе подобные органы, уже засіялъ свѣтъ ума среди всеобщаго безумія. Эта пріятная мысль совершенно примиряетъ этихъ мыслителей съ мрачнымъ взглядомъ на исторію. Имъ кажется, что чѣмъ безумнѣе окажутся другіе люди, тѣмъ больше разумности выпадетъ на ихъ собственную долю.

Болѣе логически и менѣе весело думалъ Герценъ. «Человѣкъ, считающій исторію — хроническимъ безуміемъ, — самъ помѣшанный», говоритъ онъ въ предисловіи (стр. 5). И дѣйствительно, развѣ мы не имѣемъ полного права распространить на мыслителей «Дѣла» тотъ самый взглядъ, подъ который они подводятъ весь родъ человѣческой и всю его исторію?

Въ свое время шутка Герцена имѣла большой успѣхъ. Это была одна изъ самыхъ удачныхъ формъ, въ которыхъ выразилось его недовольство и отчаяніе. Черезъ двадцать лѣтъ, въ 1867 г., онъ написалъ еще небольшую вещь на ту же тему. Въ *Полярной Звездѣ на 1869*, вышедшей въ 1868 г., находится статья подъ заглавіемъ: *Arphorismata по поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова. Сочиненіе прозектора и адъюнкта-профессора Тита Левіаѳанскаго.*

Здѣсь тонъ шутки поднять еще на одну ноту. Левіаѳанскій считаетъ ошибкою Крупова — надежду на постепенное излеченіе рода

человѣческаго. «Какъ же», спрашиваетъ онъ, «*постоянное состояніе* какого нибудь животнаго рода или вида можетъ излечиться?... Это не болѣзнь, а *особенность, признакъ*». «Человѣкъ», говоритъ онъ далѣе, «съ безконечнымъ творчествомъ мѣняетъ *idées fixes* и пункты помѣшательства и постоянно пребываетъ вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая магія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ упомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждутся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи».

Этого мало. Левіаѳанскій не только считаетъ безуміе постоянной принадлежностію человѣка, но и видитъ въ безуміи—благо, необходимое условіе исторіи и прогресса.

«Безъ хроническаго, родоваго помѣшательства, говоритъ онъ, прекратилась бы всякая государственная дѣятельность, съ излеченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастьи, какъ поетъ старинная пѣсня, а *въ безуміи*».

«Безъ него мы были бы сведены на логику и математику».

«Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымыселъ — творчество слова».

«Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей и въ жалкомъ здоровомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она-то и находится подъ безвыходнымъ самовластіемъ разума, въ то время какъ человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все склано въ природѣ желѣзною необходимостію, она не усовершенствуется, не домогается, не ждетъ обновленія и искупленія; она только перерабатывается, «не вѣдая что творить»,—и въ эту-то кабалу, въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкаютъ человѣка подъ предлогомъ излеченія? (Страница 137).

Умъ Левіаѳанскій называетъ «началомъ антисоціальнымъ и развѣдающимъ», тогда какъ безуміе есть начало зиждительное, которымъ все живетъ и движется.

VI.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что указывая на постоянную односторонность мыслей Герцена, на глубокое субъективное настроеніе, которымъ проникнуто все, что онъ писалъ, мы желаемъ какъ-бы за-

ранѣе отнять у него всякія права на истину, на правильное пониманіе вещей. Наша цѣль совершенно другая. Мы хотѣли бы напротивъ показать, что Герценъ обладалъ необыкновенною чуткію для извѣстныхъ сторонъ жизни, что ему могло быть ясно и понятно то, что совершенно закрыто для обыкновенныхъ глазъ. Обыкновенно люди довольны и самими собою и тѣми часто ничтожными благами, которыхъ они добиваются. Слѣдовательно большею-частію люди слѣпы, такъ какъ не замѣчаютъ ни собственнаго ничтожества, ни пустоты тѣхъ цѣлей и желаній, которыми наполнена ихъ жизнь. Герценъ принадлежалъ къ другой, далеко не столь многочисленной породѣ людей, къ тѣмъ натурамъ, которыхъ настроеніе можно назвать по преимуществу религіознымъ, которыхъ этотъ міръ, эта жизнь—неудовлетворяютъ. Идеаль, живущій въ душахъ такихъ людей, можетъ по видимому вовсе не совпадать съ идеаломъ церкви, но результаты выходятъ тѣ же. Настойчиво, неотразимо открывается этимъ душамъ темная сторона каждаго явленія; міръ обнаруживаетъ имъ все, что въ немъ достойно смѣха, плача, негодованія. Таковъ былъ Гоголь, таковъ былъ и Герценъ.

Такіе люди, если не видятъ всей истины, за то могутъ совершать великія открытія въ той области, которая доступна ихъ проницательности.

Мы разбирали до сихъ поръ преимущественно художественныя прозведенія Герцена, слѣдовательно такія, въ которыхъ выражался его общій взглядъ на жизнь, общее его настроеніе. Намъ кажется, мы ясно доказали, что пессимизмъ есть главная черта этого настроенія. Несчастія, не имѣющія смысла и цѣли, безвыходные вопросы и столкновенія, игра случайности, какъ постоянная изнанка человѣческой жизни, наконецъ вѣчное противорѣчіе между счастьемъ и собственными усиліями людей, ихъ безумное упорство въ дѣйствіяхъ, ведущихъ къ ихъ собственному вреду и гибели — таковы общія темы разобранныхъ нами произведеній Герцена.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ его філософскимъ и историческимъ статьямъ, разобрать, какого взгляда онъ держался въ философіи и какъ смотрѣлъ на современную исторію, на русскую и на западную. Легко понять, что со своимъ глубокимъ пессимизмомъ онъ сразу схватилъ то, что было всего безотраднѣе, всего болѣзненнѣе въ современномъ ему строѣ европейской мысли и европейской исторіи. Фейербахизмъ, філософское воззрѣніе, съ которымъ такъ благодушно и спокойно уживаются нѣмцы, былъ понятъ Герценомъ въ смыслѣ самомъ суровомъ и безнадежномъ. Скажемъ за-

ранѣе—это пониманіе мы считаемъ вполне правильнымъ, вполне соответствующимъ дѣлу.

Западъ тянулъ къ себѣ Герцена. Онъ уѣхалъ изъ Россіи и не только сталъ внимательно и зорко всматриваться въ строй и движеніе запада, но и самъ пытался вмѣшиваться въ это движеніе. Къ какому же выводу пришелъ Герценъ? Съ неотразимою силою въ немъ вкоренилось убѣжденіе, что западъ страдаетъ смертельными болѣзнями, что его цивилизаціи грозитъ неминуемая гибель, что нѣтъ въ немъ живыхъ началъ, которыя могли бы спасти его.

Вотъ главное открытіе Герцена. Россіи онъ не понималъ; какъ Чаадаевъ, онъ ничего не умѣлъ видѣть ни въ ея настоящемъ ни въ ея прошломъ. Но западъ онъ зналъ хорошо; онъ былъ воспитанъ на всѣхъ ухищреніяхъ его мудрости, онъ умѣлъ сочувствовать всѣмъ движеніямъ тамошней общественной жизни, былъ зоркимъ и чуткимъ зрителемъ нѣсколькихъ революцій. И онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что нѣтъ живаго духа на западѣ, что всѣ его мечты обновленія не имѣютъ внутренней силы, что одно вѣрно и несомнѣнно—смерть, духовное вымправіе, гибель всѣхъ формъ тамошней жизни, всей западной цивилизаціи.

Эту мысль Герценъ проповѣдывалъ упорно и постоянно до конца своей жизни. На эту тему написаны лучшія, остроумнѣйшія и глубокомысленнѣйшія его статьи. И наибольшее поученіе, которое можно извлечь изъ Герцена, конечно заключается въ томъ анализѣ явленій западной жизни, которымъ онъ подтверждаетъ свою мысль о паденіи запада.

Н. СТРАХОВЪ.

1870.

10 марта.